
Михаил КУРАЕВ

СУЧАРА!

Рассказ

И на бушующее море
льет примирительный елей...
Из Ф. И. Тютчева

Возможности Творца, как всем известно, безграничны; может сотворить все, вплоть до ползучих гадов, как двуногих, так и тех, кто, когда надо, ползают не животе. Но о них в другой раз.

Речь о лучшем из созданий Творца.

Кто-то может и не согласиться, но, по моему убеждению, ничего лучше женщины Творцу создать пока не удалось. Увидишь и любишься, и нисходит в тебя умиротворение, примиряешься едва ли не со всем, что тебя огорчало и еще огорчит в этой жизни.

В трамвае гам. Трамвай встал на дыбы. Не сам трамвай, а человек пятнадцать-двадцать, в это время в нем замкнутые. Все кричали, перебивая друг друга, возмущались, кто-то даже размахивал руками. Только один человек, дама, женщина, расположенная на сиденье у переднего входа рядом с кабиной вагоновожатого, сохраняла достоинство и покой, столь необходимые в минуты смятения, охватывающие и малые, и великие человеческие сообщества.

Окажись в трамвае композитор Мусоргский или Балакирев, они сохранили бы для нас музыку гнева, но они жили в другое, бестрамвайное время.

Вот говорят: человек выпадает из своего времени. Так, быть может, и про нее, сидевшую впереди на одноместном сиденье у двери, можно было сказать. Судя по меховой изящной шапочке, пальто с норковым воротником, явно не из магазина готового платья, а еще легкий ридикюль, чуть старомодный, но из хорошей мягкой кожи, все подходило бы скорее к пассажирке ландо, нежели трамвая № 34.

Рядом с ее сиденьем зажимом к стене был приторочен чуть ли не полутораметровый голик, веник для расчистки от снега трамвайной стрелки. Строгое изящество обличья и стати дамы, едва перешагнувшей апогей женской привлекательности, тем не менее наглядно свидетельствовало о сохранившемся женском магнетизме, что у достойных того избранниц никогда не угасает. Если бы художники Крамской или, к примеру, Репин взялись писать портрет неизвестной в трамвае, то непременно бы убрали полутораметровый голяк на стенке с его простецкой обнаженностью плотного пучка голых прутьев, схваченных проволокой, угнездившийся у ног в черных замшевых сапожках.

Как далеки они были друг от друга!

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». По сценариям М. Кураева снято 14 полнометражных фильмов («Сократ», «Господа присяжные...», «Раскол» и др.). Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Первое место в трамвае дама, надо думать, занимала по праву, а не по пронырству известного рода деятелей, всегда вскакивающих первыми в автобус и за фуршетным столом сразу занимающих место напротив розетки с икрой, в общем, умеющих выцарапать у судьбы и малую, и большую выгоду.

Дама, заслонившая для меня своей невозмутимостью шум и гам, занимала в вагоне отдельное переднее креслице безусловно по праву.

Кто она?

Со всей очевидностью — не жена. В том смысле, как говорят: жена такого-то — и называют персону более-менее известную, а то и крупную. Она сама по себе.

Предмет, приковавший мое внимание в пору общего переполоха, конечно, свидетельствовал о самодостаточности, самостоятельности и независимости, прочно утвержденных на знаниях, опыте и силе характера.

Метеорологи говорят, что в структуре возмущенных стихий существуют участки чуть ли не в середине, где царит покой. Вокруг все вихрится, чуть не бесится, а вот здесь покой. Для примера, как тот же Архимед при осаде Сиракуз.

Вот и сейчас в трамвае переполох, а человек не видит, не слышит и не участвует.

Гуманитарии всевозможных исканий любят поговорить о внутреннем мире человека. Вот, пожалуйста, *внутренний мир* наружу, налицо: невозмутимый, прочный, устойчивый против внешней агрессии.

Но кто же она?

Замдиректора института экспериментальной медицины?

Почему такое пришло в голову? Разве только потому, что такой институт у нас на Кировском проспекте был. А может быть, замдиректора Института радиологии имени Рентгена? Такой еще ближе к трамвайной остановке на углу Горького и Кировского проспектов. Почему зам? Надо думать, потому что директору полагалось бы персональная машина, а здесь все-таки трамвай.

Стал перебирать учреждения, примеряя их к *моей* даме.

Может быть, кто-то из руководства Дворца культуры имени Промкооперации? Нет, нет и нет... Отдаленно она, конечно, напоминала Людмилу Зыкину и Ольгу Воронец, но никак не администратора. На администраторах особая печать. Администраторы как-никак люди вспомогательных занятий, а в руках *моей* дамы виделось что-то фундаментальное. К примеру, Институт скорой помощи? Пожалуй... Тоже рядом. Но ближе все-таки экспериментальной медицины...

Почувствовав на себе чей-то взгляд, она спокойно, как встречают приближение мухи, повернула голову направо. Открылась зеленоватая глубина глаз, смотревших прямо и, надо думать, видевших больше, чем просто распаленного нескромным любопытством попутчика. Взгляд! Взгляд в пустоту мирового пространства. Любопытная муха не представляла ни угрозы, ни интереса, и голова в меховой шапочке вернулась в прежнее положение. Ни тени смущения или досады, скорее, привычка топить в немереной глубине неподвижного безразличия взоры празднующих.

Стал примерять к ней имена. Подошло бы «Варвара Евграфовна», чуть старомодное и такое, что не вдруг выговорить...

А шум и возмущение в трамвае разгорались.

Дело в том, что трамвай № 34 шел от угла Горького и Кировского через Кировский мост к цирку, а там два шага и до Дома кино. Очень удобно. От «Ленфильма» и до Дома кино. Кому-то еще дальше, на Некрасовский рынок, к примеру, или вовсе к Смольному. Но стоило трамваю отойти от остановки и замереть у светофора на Кировском проспекте, как водитель с перевязанным разболтавшимися несвежими бинтами горлом высунулся из кабины и объявил: «Трамвай пойдет в парк по Куйбышева налево!»

Вот это номер! Сколько его ждали, а теперь еще и в парк?

И почему не объявил на остановке, когда двери были открыты? И почему это в парк надо обязательно по Куйбышева, а не через Кировский мост, мы город не хуже этого трамвайщика знаем? Знаем и трампарк имени Смирнова в Дегтярном переулке, и маршруты к нему по Кировскому мосту короче, чем по Литейному.

Что за выдумки?! Это что же, выходить на Куйбышева у Дома политкаторжан и тащиться на остановку у площади Революции, открытой всем ветрам, в отличие от предыдущей остановки, где была хоть кой-какая крыша. Черт знает что!

Любой бы возмутился. Любой, но не она, сохранившая непроницаемое безразличие к происходящему безобразию...

Наконец дали зеленый, и трамвай пересек Кировский проспект, прополз мимо обшежития Института железнодорожного транспорта, построенного, если посмотреть сверху, в виде серпа и молота, мимо соборной мечети с куполом в чешуе голубых изразцов под охраной двух подпирающих небо минаретов и остановился у особняка Матильды Кшесинской, подаренного балерине великим князем, великим поклонником всех ее талантов и способностей.

Почти одновременно открылись передняя дверь трамвая и дверь кабины водителя. Водитель с ломиком для перевода стрелки в руках готов был выйти, чтобы дать трамваю направление налево.

И в эту самую минуту, ни секундой позже, дама, сидевшая на переднем сиденье, вырвала полуметровый голяк из гнезда на стенке и вознесла его над головой водителя, даже забывшего о своем оружии и замершего с ломиком в руках. Но прежде чем нанести удар, прозвучало благородное предупреждение: «Сучара! Ты сейчас у меня получишь!»

И нет сомнения, что сейчас бы и получил, если бы не скрылся в своей остекленной кабине. Грянул звук упавшего на пол ломака.

Водила шархнул, едва не потеряв равновесие, и спрятался, как ошпаренный.

В густой тишине, охватившей вагон, все слышали, как брякнула защелка на тот случай, если дама все-таки пожелает осуществить свое обещание.

Народ безмолвствовал...

И что вы думаете? Трамвай тронулся, повернул направо в сторону Кировского моста и, как миленький, покотился себе в стойло на Дегтярном вдоль переполненного преданиями пустынного Марсова поля, вдоль несравненной траурной ленты Лебяжьей канавки, вдоль обнаженного, сбросившего листву и упрятавшего в деревянные ящики на зиму беломраморные фигуры Летнего сада, мимо похожего на замок дворца, где в угловой комнате, выходящей окнами второго этажа на площадь Жертв Революции (так в свое время именовалось Марсово поле), был забит насмерть император Павел Первый...

Решительные люди никогда не переводились в нашем городе.

Главное, разговаривать с людьми на понятном им языке, и вас поймут, и жизнь будет двигаться тем единственно верным путем, какого от нее ждут люди, большинство людей...

Дама вернула свое оружие устрашения в гнездо на стенке и, не оглядываясь на замерших за ее спиной пассажиров, заняла свое прежнее место...

А что поступок?

Так, мелочь...

Он никак не нарушил, не потревожил, не возмутил сосредоточенный покой, какому, надо думать, требовал предмет ее размышлений о личном или служебном, одинаково недоступных для случайных попутчиков, но так же требовавших *поступка*.

Могут ли после этого у кого-то остаться сомнения в том, что женщины, и, скорее всего, именно наши женщины, непременно загадочные и беспощадно откровенные в выражении своих подлинных чувств, лучшее, что было создано Творцом.